

* * *

бабочка Брэдбери – золото, зелень, чернь,
тонкое тельце, мраморная пыльца,
тварь первобытная, чистая жертва, чей
маленький труп в дорожной пыли мерцал,

что, насекомое, благостно встретить смерть
от мухобойки века – стальной стопы?
дрогнув от страха, мнительный браконьер,
карлик двуногий резко сошёл с тропы:

шутка ль – поддаться панике, испытав,
как вознеслась громадная эта гнусь
над головой – чешуйчатая пята
холодного ящера «Gott mit Uns»...

только бойцам негоже сигать в кусты:
наш-то Иван с гранатой пойдёт на танк,
но супостату не спустит ни полверсты
да сверх того – весной возьмёт Рейхстаг...

над белокаменной фронт грозовой набряк,
из-под шершавых туч купола видны...
бабочка Брэдбери крылышками бяк-бяк
под огнестрельным небом чужой войны.

* * *

вот и погожий октябрь
колкой прохладой извык:
ёжась, вдыхает взятяг
дым подождённой листвы.

как полыхнул виноград,
крепко веранду обняв:
чёрные кисти дрожат
в красках сухого огня.

бликов пунцовых узор
в окнах веранды резной –
жертвенных воинов сбор
перед грядущей весной:

скинут вериги снегов,
прошелестят и замрут
дети цветущих лугов –
чистой воды изумруд...

плоть винограда терпка.
будто зевок перед сном,
северный дух ветерка,
глядя нахмуренный дом,

в синюю даль уносил
память о летнем тепле.

Господи, дай же нам сил.
Господи, слава Тебе.

* * *

Протоиерею Михаилу Мельникову

Говорил вполголоса иерей:
Кто тебя торопит – скорей, скорей?
Кто галопом гонит – ни шагу вспять –
На бегу пить кофе, в ботинках спать?

Погоди, голубушка. Эта жизнь
Как ни бегай, как ты ни копошишь,
Оборвётся, милая. Всё сгниёт.
Чем вприпрыжку мчаться, вцепясь в неё,
Посмотри тихонько в святую высь,
В облака густые – уймись, уймись.
Родилась песчинкой – уйдёшь никем:
Долгий миг – и бирочка на ноге.

У души не сыщется ни шиша –
Затрепещет маленькая душа,
Упорхнув от суглобочной земли:
Над бетонкой, что гомонит вдали,
Бирюза прохладная задрожит –
Там не будет зависти, злобы, лжи...
А ещё подоспеет конец пути –
Ничего не бойся, лети, лети.

* * *

покровом белым устелен,
был вечер сказочно долог,
когда волшебная темень,
окутав дачный посёлок,

стихи святые шептала
о древних людях востока:
устав, семейная пара
ждала в пещере восхода –

ночлег и грязен, и жёсток:
плач Первенца, ясли скотьи...
вплывала снежная поступь
в сосновое новогодье.

а землю тёмную глядя,
снег шёл, не ведая тягот:
как жемчуг скатный, наряжен,
как сердце женское, мягок.

и, вечной силой наполнен,
призвав ко всеобщей в храме,
протяжный гул колокольный
во мгле рождественской замер.

СЕВАСТОПОЛЬ

сладкая дрёма старый бульвар сморила,
в море выходит чёрная субмарина –
гладь водяная только мерцает зыбко,
бухта сияет – круглая бескозырка.

над Херсонесом ветер гуляет борзый,
колокол древний дышит могучей бронзой,
серые скалы тёплый прибой обнял...
жить бы да жить затопленным кораблям.

театр степенный – мраморный ряд колонн.
к сонным ступеням рыжий платан склонён,
будто бы плечи скромный юнец поджал.
пусть над холмами вновь заискрился пожар –

осень к виску приблизилась роковым
дулом холодным, длинной ручной пищалью;
я вернусь в этот город, дымом пороховым
пропитанный.
обещаю.